

ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИИ ИСЛАМСКОГО РАДИКАЛИЗМА В ПАКИСТАНЕ

О.П. Чекризова

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Статья посвящена исследованию исламского радикализма в Пакистане. Основное внимание сфокусировано на выделении особенностей усиления радикального ислама в Пакистане, а также сочетания местного и «импортного» элементов в радикально-экстремистской идеологии. В прогностической части статьи рассматриваются возможные варианты (сценарии) дальнейшей эволюции исламорадикализма. В Пакистане исламский радикализм (идеологический уровень) и экстремизм (практическое воплощение идей) набрали высокие темпы роста во время политики исламизации 80-х гг. XX в., оставаясь до настоящего времени ключевыми факторами турбулентности ситуации в стране и регионе. Развитие радикального исламизма в Пакистане носит очаговый и дискретный характер. Каждый период этого развития характеризуется определенными внешними или внутренними факторами, определявшими ход развития событий. Так, резкий подъем радикального ислама с конца 1970-х гг. был в немалой степени связан с мировым и в особенности с региональным контекстом. С середины 1980-х гг. на первый план выходит внутренний фактор межрелигиозного противостояния между суннитами и шиитами, тем более острый, что стороны получали помощь извне. После 90-х гг. XX в. – периода относительно ровного развития – очередная фаза усиления радикального исламизма в начале 2000-х гг. была вызвана резкой сменой внешнеполитического и внутривнутриполитического курса Исламабада, поддержавшего борьбу с крайними формами исламизма – терроризмом, – как в рамках международной коалиции, так и внутри страны. В настоящее время на фоне углубления социально-экономического кризиса в стране, а также усталости населения от последствий участия Пакистана в глобальной войне против террора на первый план стали выдвигаться легальные движения исламистов. При этом не следует преуменьшать и значение экстремистов, которые могут использовать нынешний период затишья для передышки и перегруппировки сил. Инерция развития исламистских политических, общественных и радикальных организаций позволяет утверждать, что данная тематика будет и в дальнейшем сохранять высокую актуальность для Пакистана.

Ключевые слова: Пакистан, Афганистан, афгано-пакистанское приграничье, радикализм, экстремизм, исламизм, исламистские движения.

Современную фасадную часть партийно-политической системы Пакистана определяет господство центристских сил, полюсами остаются либерально настроенные демократы и их антиподы – исламисты. Практически с момента образования независимого Пакистана в 1947 г. его политическую систему характеризует неуклонный рост фактора ислама как его конфессиональной «связующей константы» и исламской идеологии.

В эволюции базирующихся на этих основаниях общественно-политических течениях исламорадикализма, носящих к тому же очаговый и дискретный характер, можно выделить три основных периода:

– сильный рост с конца 1970-х гг. до конца 1980-х гг.;

– достижение «плато» (ровного развития) с конца 1980-х гг. по 1990-е гг.;

– новый рост с начала 2000-х гг. вплоть до настоящего времени.

Причиной возрастания роли ислама являлись внутренние факторы: а) ослабление роли светского национализма; б) неоправдавшиеся надежды значительных масс населения, живущих за чертой бедности и связывающих с исламом перспективы лучшей жизни; в) реакция традиционалистских слоев пакистанского общества на проводимую властями модернизационную политику.

Помимо внутренних условий, на развитие исламорадикализма в Пакистане в различные хронологические периоды оказывали влияние и внешние факторы. Резкий подъем радикального ислама в конце 70-х гг. XX в. в немалой степени был связан:

– с вооруженным противостоянием в Афганистане, Исламской революцией в Иране 1978 – 1979 гг.;

– позднее, с рубежа 1980–1990-х гг., – с национально-конфессиональным восстанием в индийском штате Джамму и Кашмир и с вызванным этим очередным витком напряженности отношений с Индией «выплеснувшейся» мини-войной в мае – июле 1999 г., известной как Каргильский кризис;

– с середины 80-х гг. XX в. на первый план выходит антагонизм между представителями суннитского большинства и шиитского меньшинства среди населения Пакистана, обострявшийся помощью извне – от стран, на которые эти силы ориентировались в политическом и идеологическом плане. В 1990-х гг. пакистанский исламский радикализм развивается относительно ровно, существуя при поддержке сменяющихся в Исламабаде правительств, а также армии и военных спецслужб. Поддержка Пакистаном на этом этапе исламистских сил обуславливалась главным образом его желанием влиять на ситуацию в соседнем Афганистане, где к власти, не без пакистанской помощи, пришли исламисты из движения «Талибан»;

– на начало 2000-х гг. приходится очередная фаза усиления сил политического ислама, что

было вызвано резкой сменой внешнеполитического курса Исламабада. Немаловажно, что крайние формы исламизма (экстремистские, террористические организации) были объявлены военными властями страны – режимом генерала П. Мушаррафа – вне закона. Умеренный же (парламентский) исламизм не без помощи армии и ее специальных служб добился заметных успехов – блок шести религиозно-политических партий «Муттахида маджлис-е амаль» (Объединенный фронт действия) на всеобщих выборах 2002 г. стал третьим по количеству мест в нижней палате парламента страны. Сложившаяся в результате кризиса военно-парламентского режима в 2007 г. обстановка не позволила «легальным» исламистам закрепить и тем более развить свой предыдущий успех на выборах в 2008 г.

Исламизация 80-х гг. XX в.

Хотя активизацию процесса исламизации в Пакистане связывают прежде всего с нахождением у власти генерала М. Зия-уль-Хака в 1977 – 1988 гг., начало его тем не менее было заложено в правление З.А. Бхутто (1971 – 1977 гг.), который не только отстаивал концепцию «исламского социализма», пытаясь совместить социалистические идеи с принципами ислама, но и пошел навстречу многим требованиям религиозных партий. Так, в Конституции 1973 г., действующей до настоящего времени, ислам провозглашался государственной религией, в обязанности государственной власти вменялась поддержка религиозных устремлений граждан-мусульман, а во внешней политике правительство должно было исходить из принципов мусульманского единства.

Курс на всестороннюю исламизацию пакистанского общества, объявленный М. Зия-уль-Хаком вскоре после прихода к власти, был провозглашен в качестве государственной идеологии строительства пакистанского общества на фоне роста в мире как исламских, так и этнонациональных настроений. Успеху исламизма способствовало и то, что за предыдущий период независимого развития, проходившего под лозунгом национализма (хотя и мусульманского) и создания отличного от индийского «своего государства», политэлиты оказались неспособны сформировать эффективную модель пакистанского государства. Причинами стали: отсутствие национального консенсуса относительно будущего пути государственного развития и нерешенность социальных проблем общества.

Программа М. Зия-уль-Хака была предложена в момент всеобщего разочарования как альтернатива развития и переход на истинно исламский путь развития. Важно, что одновременно с усилением политического ислама в Пакистане в соответствии с заявленными им целями создания подлинного исламского государства происходила его радикализация. В качестве своей опоры режим М. Зия-уль-Хака использовал две силы – армию и улемов (мусульманских богословов). Вооруженные силы, которые еще с конца

■ Политология

1950-х гг. превратились в постоянный активный фактор пакистанской политики, сыграли весьма существенную, если не решающую, роль в сдвиге Пакистана вправо, в сторону исламизма. За время пребывания генерала у власти (более 8 лет) армия получила широкое представительство в гражданской сфере управления и хозяйствования. Помимо того, постоянно увеличивались расходы на вооруженные силы как за счет бюджета, так и за счет значительно возросшей в тот период внешней помощи Пакистану.

Многочисленное сословие богословов за время правления М. Зия-уль-Хака также существенно улучшило свое положение. Новый режим активно привлекал улемов для консультаций в качестве знатоков мусульманского права, нередко были их назначения на ответственные административные и судебные посты, они даже вошли в правительство. Партнером режима выступила старейшая и наиболее организованная, влиятельная панисламистская религиозно-политическая партия Пакистана «Джамаат-и-ислами» (ДИ, «Общество ислама»), пользующаяся определенной популярностью на всей территории Пакистана. Основной целью партии ее основатель Абул Ала Маудуди, чьи идеи получили широкое распространение в арабском мире, считал создание общества «истинного» ислама.

Небезынтересно, что исламизация «сверху» не подразумевала построения теократического государства. Богословы выступали лишь в роли партнеров-консультантов и советников, помогающих легитимизировать военный режим. Процесс вовлечения исламистов в политический процесс сохранялся как самоподдерживающийся. Участие ДИ в управлении страной в период военной диктатуры укрепило позиции умеренного крыла партии, выступающего за постоянное и полномерное участие в политическом процессе. Однако и представители радикального крыла активизировались в стремлении не потерять авторитет «консервативно-революционной» силы и не растерять сторонников из числа ортодоксов. Им на руку играло то обстоятельство, что любой правящий в стране режим, не желая допустить ослабления основы государства – ислама, – не мог себе позволить непримиримое и тем более враждебное отношение к религиозным идеологам.

Пакистанское общество во многом было подготовлено к широкой исламизации. За прошедшие годы независимого развития произошло изменение социального состава общества: возросло число мелких собственников в городе и деревне, увеличилась численность маргинальных слоев. Представители этих социальных прослоек ощущали потребность в морально-психологической защите и компенсации. Ощутимые изменения произошли также в командном составе армии. Вместо выходцев из элитных слоев общества, прошедших выучку еще во времена колониальной Индии, в командный корпус пришли представители средних и низших слоев общества, получившие образование не за границей, а в Пакистане. Им

были ближе религиозные взгляды.

Немаловажную роль в исламизации самой армии сыграли помощь, оказанная ею моджахедам в Афганистане, конфронтация с Индией и поддержка исламских сепаратистов в Кашмире. В результате многие военнослужащие, особенно те, в чью сферу компетенции входила работа с радикалами и экстремистами, «заражались» исламистскими идеями. С началом военных действий в Афганистане Пакистан фактически превратился в прифронтовую зону. На его территории нашли убежище основные оппозиционные силы афганцев, создавались базы для подготовки вооруженных отрядов. В основном через Пакистан шла огромная, на несколько миллиардов долларов США, военная помощь моджахедам.

Ставка на афганскую религиозную оппозицию способствовала активизации роли Пакистана в движении исламской солидарности. В 1980 г. в Исламабаде прошли две конференции Организации Исламская конференция, на одной из которых была принята резолюция с призывом к вмешательству в афганские дела.

Парламентско-демократические режимы и исламский радикализм

Период с конца 80-х гг. по конец 90-х гг. XX в. в Пакистане по форме можно назвать демократическим. Он характеризовался острой борьбой за власть двух ведущих партий страны – Пакистанской народной партии (ПНП, другой перевод – Партия пакистанского народа), которую возглавила дочь З.А. Бхутто Беназир Бхутто, и Пакистанская мусульманская лига во главе с выходцем из клана крупных пенджабских промышленников Миан Наваз Шарифом (ПМЛ-Н). Острота противоречий объяснялась политико-идеологическим соперничеством двух линий преемственности, идущих от З.А. Бхутто и М. Зия-уль-Хака. Последователем Зия и сторонником исламизации, хотя и более умеренного типа, считался Н. Шариф. Существенной была к тому же роль фактора региональной идентичности, разделявшей Пенджаб и Синд [1]. Религиозные же партии оказались в конце 1980-х гг. в сложном положении, лишившись покровительства верховной власти после гибели в авиакатастрофе М. Зия-уль-Хака.

Одним из основных итогов правления Зия-уль-Хака, во многом определившее как внешнеполитическое, так и внутривнутриполитическое развитие страны в будущем, была вовлеченность Исламабада в афганскую проблему. Рассчитывая на приход к власти в Кабуле лояльного к Пакистану правительства, Исламабад надеялся на признание Афганистаном установленной еще в 1893 г. «линии Дюранда» в качестве законной границы и на благоприятное для себя решение пуштунской проблемы, то есть отказа Кабула от поддержки идей независимого от Пакистана Пуштунистана. Кроме того, роль прифронтового государства, активная вовлеченность в конфликт, который приобрел глобальное значение, сделали Пакистан игроком мирового масштаба [4].

В 1994 г. у пакистанских властей сложился консенсус в пользу поддержки новой военной силы в Афганистане – талибов (учеников, ищущих подлинное знание; множественное число на языке пушту – талибан). Это были выпускники и учащиеся пакистанских медресе в Северо-Западной пограничной провинции (СЗПП) и Белуджистане из числа афганских беженцев, в основном примыкавших к суннитской партии деобандской школы «Джамиат-и улема-и ислам» (ДУИ, «Сообщество исламских богословов»). Так же, как и упоминавшаяся выше ДИ, эта партия является одной из старейших в Пакистане, уступая ей в тот период по авторитету и популярности. В 1972 г. она довольствовалась тем, что вместе со светской пуштунской партией «Авами нэшнл парти» сформировала правительство в СЗПП; в этой части страны она обладает наибольшим числом последователей. За несколько десятилетий своего существования ДУИ стала практически пуштунской по национальному составу [13, с.395–397]. В первой половине 1990-х гг. партия смогла приобрести немалый вес в глазах пакистанского руководства, что облегчило ей вхождение во власть.

Надо отметить, что уже к концу 1980-х гг. в Пакистане появилось немало боевиков, принимавших участие в военных действиях в Афганистане. И после вывода советских войск из Афганистана в 1989 г. центр исламской экстремистской борьбы сместился в индийский штат Джамму и Кашмир, где началась активная фаза вооруженной борьбы против властей Индии. Прошедшие в Афганистане боевое крещение кашмирцы составили ядро наиболее агрессивного настроенных участников движения сопротивления.

Таким образом, вывод советских войск из Афганистана давал возможность Пакистану объявить о победе идеологии джихада в соседней стране и одновременно шанс перенести фронт действий на территорию Индии. Заметим, что обстановка в индийском Кашмире представляла собой крайне благоприятное поле для пакистанского вмешательства – население там было недовольно фальсификацией итогов местных выборов 1987 г. Массовые выступления в 1993 – 1994 гг. были жестко подавлены индийскими правоохранительными органами.

Однако достигнутая, казалось бы, победа обернулась для Пакистана международной изоляцией. США в 1990 г. прекратили военно-экономическую помощь в надежде воспрепятствовать военной ядерной программе Исламабада. Россия возражала против поддержки Пакистаном кашмирских сепаратистов. Пакистан во многом оказался в региональном окружении, не дававшем ему возможности для маневра:

- непростыми были отношения с шиитским Ираном;
- замороженными оставались связи с бывшими советскими республиками, новыми независимыми государствами Центральной Азии;
- в довершение ко всему поддержка моджахедов не привела к установлению в Афганистане

прочной структуры власти, которая бы соответствовала ожиданиям Исламабада.

Под влиянием продолжавшейся борьбы исламистов в Афганистане и Кашмире в первой половине 1990-х гг. в Пакистане усилились фундаменталистские настроения, на первые роли в пакистанской политике вышли некоторые новые религиозные лидеры, которые во главу угла поставили «достижение недостижимого».

ДУИ из партии сравнительно умеренных взглядов уподобилась ДИ не только в идеологической сфере, но и в тактической, значительно укрепив свои позиции и претендуя на право быть центром притяжения исламистских экстремистов. Она вступила в успешную конкуренцию с ДИ, долгое время бывшей ядром оппозиционных религиозных сил. К усилению ДУИ приложила усилия и ПНП, которая стремилась расколоть коалицию из трех основных религиозных партий (ДИ, ДУИ и суннитская партия барелвийской школы «Джамиат-и улема Пакистан», ДУП, или Сообщество пакистанских богословов). Последние поддержали на выборах 1990 г. соперника ПНП – Мусульманскую лигу Наваз Шарифа.

В этом «треугольнике» ДУИ находилась на вторых ролях, но после новых парламентских выборов и прихода к власти в 1993 г. во второй раз Б. Бхутто связи этой партии с правительством упрочились – лидер ДУИ Маулаана Фазлур Рахман возглавил парламентскую комиссию по международным делам. В этом качестве он посетил Вашингтон и европейские столицы, а также страны Персидского залива. Целью визитов было отстаивание интересов афганских исламистов и получение ими финансовой поддержки [18, с.128].

Успехи талибов в Афганистане в середине 1990-х гг. привели к росту популярности их идей в Пакистане. Кроме того, пакистанские боевики «Лашкар-и Джангви» и «Сипах-и сахаба Пакистан» в 1994–1998 гг. участвовали в боевых действиях на стороне талибов. Во многих населенных пунктах СЗПП власть фактически перешла к проталибским силам, которые устанавливали законы шариата на подконтрольных им территориях [17].

Еще одним внешним фактором, помимо афганского конфликта, способствовавшим повышению роли ДУИ и ее радикализации, стала ирано-иракская война 1980 – 1988 гг. ДИ и близкая к ней идеологически афганская партия «Хезб-и ислами» Г. Хекматъяра симпатизировали Ираку, чем вызвали недовольство саудовских ваххабитов (на протяжении десятилетия обе организации получали значительную помощь от Эр-Рияда). Разочаровавшись в ДИ и стремясь сохранить свое влияние в пакистанском религиозном пространстве, Саудовская Аравия начала поддерживать ДУИ, чья строгая религиозная ортодоксия были близка ваххабитской практике.

Связанная с «народным» исламом школа улемов-барелви и их политическая организация ДУП, по некоторым сведениям, получала помощь из Ирака. Во время войны она проводила митинги в поддержку режима С. Хуссейна и создавала

центры набора желающих сражаться на иракской стороне, утверждая, что ей удалось мобилизовать 110 тысяч волонтеров [3, с.224–225].

Далеко не последнее влияние на ситуацию в стране оказала проблема афганских беженцев, лагеря которых располагались в пограничных с Афганистаном районах СЗПП и северной части Белуджистана. Международная гуманитарная помощь и деятельность исламских благотворительных организаций позволили развернуть в лагерях и близлежащих деревнях провинции сеть учебных заведений, в основном религиозного характера [6].

Исламизм в период военно-парламентского режима П. Мушаррафа

Еще один мощный подъем радикального исламизма в Пакистане имел место в начале XXI в., в период, последовавший за резкой сменой курса Исламабада в отношении режима талибов в Афганистане. После событий 11 сентября 2001 г. военное правительство П. Мушаррафа приняло решение о присоединении к антитеррористической коалиции под эгидой США. Этот шаг вызвал массовое недовольство в стране, спровоцировал рост оппозиционных происламских и антиамериканских настроений. Особенно эти тенденции были сильны в СЗПП, где большинство населения составляли пуштуны. Они восприняли новую афганскую политику Исламабада как «предательство братьев по вере и крови», поскольку значительная часть талибов этнически относились к пуштунам. В крупных городах страны были организованы массовые демонстрации протеста, набирались добровольцы для участия в военных действиях на стороне талибов.

Столь резкому повороту предшествовал целый ряд событий. В 1999 г. произошел четвертый выход военных на политическую авансцену, ставший результатом столкновения между исполнительной властью в лице Н. Шарифа (его партия победила на внеочередных выборах 1997 г.) и военным истеблишментом, который возглавлял начальник штаба армии генерал Первез Мушарраф. Конфликт разворачивался на фоне крайне неблагоприятного для Пакистана ухудшения отношений с Индией, низшей точкой которых на том этапе стал Каргильский кризис в мае – июле 1999 г. (мини-война между регулярными частями Пакистана и Индии на линии контроля в Кашмире) [2, с.400–402].

Первое время после переворота процесс исламизации, получивший довольно широкий размах, продолжался, создавались новые джихадистские организации, которые ставили своей целью всемерную помощь талибам в Афганистане и «борцам за свободу» в Кашмире [5, с. 86]. Поначалу власти занимали нейтральную позицию и бездействовали, возможно, потому, что к указанному времени исламисты представляли собой значительную силу, а кроме того, в армейских рядах было много сторонников радикалов.

В попытке пересмотра отношения к исламизации П. Мушарраф включил в свою политиче-

скую программу задачу «строительства демократического государства на принципах ислама» [15, с.168–169]. Он представил план действий «Путь к демократии», который предусматривал организацию системы выборов в органы местного самоуправления, подготовку и проведение всеобщих выборов в октябре 2002 г., превращение прямого военного режима в военно-парламентский.

На выборах в Национальную ассамблею (нижнюю палату Федерального собрания) и законодательные собрания провинций, состоявшихся в октябре 2002 г., убедительную победу в СЗПП и Белуджистане одержали исламисты. Они действовали в блоке «Муттахида маджлис-и амаль» (ММА, Объединенном фронте действия, который был образован шестью религиозно-политическими партиями: ДИ (лидер Кази Хусейн Ахмад), расколовшейся еще в 1980 г. на две фракции «Джаммиат-и улема-и ислам»–ДУИ Фазлур Рехмана и ДУИ Сами-уль-Хака; ДУП (возглавлял Шах Ахмад Нурани), шиитской «Ислами техрик Пакистан» и ваххабитской «Джамаат-и ахль-и хадис»). В Национальной ассамблее (парламенте) блок ММА получил 20% мест и вошел в тройку лидеров. По результатам состоявшихся впоследствии непрямых выборов в сенат (высшую палату Федерального собрания) ММА занял второе место [11]. Глава ДУИ Ф. Рехман стал лидером оппозиции.

Первый период военно-парламентского правления прошел в острой, но безрезультатной борьбе пропрезидентских сил (генерал П. Мушарраф провозгласил себя президентом в 2001 г.) и оппозиционных партий, получивших солидное число мест в парламенте. Расстановка сил в нем не давала ни одной из сторон существенного преимущества. Разногласия в стане оппозиции мешали ей выступить единым фронтом, и это побудило правительство начать поиск силы, способной помочь в разрешении сложившейся ситуации.

До выборов правительство использовало блок исламистов для контроля над ситуацией в парламенте (по соглашению с блоком ММА П. Мушарраф 1 января 2004 г. был избран президентом по конституционной процедуре, а ММА было разрешено возглавить администрацию в СЗПП, кроме того, были освобождены из тюрем активисты религиозных партий). Но после них П. Мушарраф приступил к борьбе с экстремизмом, начав с чистки в армии и спецслужбах (на тот период традиционалисты составляли весьма внушительную силу – примерно треть командующего состава [2, с. 438]).

При поддержке армии правительство развернуло наступление на радикалов. Были запрещены либо взяты под контроль некоторые исламистские террористические организации (в частности, Пакистано-афганский совет обороны и входившие в него «Сипах-и сахаба Пакистан», «Лашкар-и Джангви», «Лашкар-и тоиба», «Сипах-и Мухаммад»), многие их активисты были задержаны, перекрыты пути финансирования этих организаций. Под государственный контроль перешли несколь-

ко тысяч мечетей и медресе, было запрещено их финансирование из зарубежных источников.

В рамках борьбы с религиозным экстремизмом П. Мушарраф выдвинул в сентябре 2003 г. концепцию «просвещенной умеренности» [15, с. 295–297], в которой были изложены принципы руководства ИРП в отношении религии, а именно: полная поддержка и развитие истинного ислама и решительная борьба с его радикалистским направлением. Поскольку факторами роста исламского радикализма официально были объявлены социально-экономические проблемы, а не религиозные либо цивилизационные особенности мусульманской культуры, постольку для борьбы с явлением первостепенное значение приобретает решение проблем экономического развития и социальной справедливости [8].

По мере действий сил международной коалиции в соседнем Афганистане усиливалась вовлеченность Пакистана в афганские дела, что влекло за собой ухудшение ситуации в стране. Под давлением Вашингтона режим П. Мушаррафа был вынужден усиливать свои действия на северо-западе страны. В «зону племен» (официальное название – Территория племен федерального управления, ТПФУ), где по сложившейся традиции никогда не дислоцировались войска, был введен значительный армейский контингент общей численностью 80 тыс. военнослужащих [12]. Кроме того, в Белуджистане активизировались антиправительственные объединения. Стоит отметить в этой связи и негативные последствия землетрясения 2005 г., а также урагана 2007 г. В этих условиях правительство Мушаррафа продолжило контртеррористические операции, сочетая их с «замирением» в отдельных районах путем заключения компромиссных соглашений со старейшинами местных племен.

Внутренним фактором нестабильности было наличие в стране широкой инфраструктуры исламизма: неподконтрольных властям сети медресе, где зачастую проходили подготовку джихадисты, происламских издательств и печатных органов, а также значительных финансовых фондов, таких, как «Аль-Рашид». В этих условиях армия старалась заявить о себе как о силе, единственно способной оказать сопротивление исламизму.

Исламский радикализм как опасная для устоев государства сила дал о себе знать уже в 2007 г. Исламисты с начала этого года окопались в комплексе зданий Красной мечети и учебных заведений при ней, расположенном в самом центре Исламабада. Штурм Красной мечети в июле, проведенный правительственными войсками, привел к многочисленным жертвам (более 100 погибших, в том числе учащихся). После взятия мечети по стране прокатилась волна терактов, осуществленных исламистами в знак протеста резко обострилась ситуация на пуштунском северо-западе, в ТПФУ и округах Северо-Западной пограничной провинции Свате и Дире. Самым громкими из террористических актов был взрыв бомбы в Карачи в момент торжественной встре-

чи вернувшейся из заграничной ссылки Беназир Бхутто и ее убийство 27 декабря 2007 г. на митинге в Равалпинди.

Масштабное использование военной силы против радикальных исламистов власти начали в 2004 г., однако контртеррористические кампании 2004 – 2008 гг., чередовавшиеся мирными переговорами и соглашениями с боевиками, оказались малоуспешными. Во многом потому, что власти проводили весьма непоследовательную линию в сфере борьбы с терроризмом, опасаясь потери взаимопонимания с умеренной частью богословов, которые зачастую выступали на стороне правительства. Созвучными новому внутриполитическому курсу были и изменения в афганской политике Исламабада. Отсутствие единства в пакистанской политической элите привело к двойственности официального курса – оказывая содействие силам международной коалиции, Пакистан фактически не препятствовал тому, чтобы афганские экстремисты, бежавшие из Афганистана в «зону племен», получали передышку и действовали против международной коалиции с его территории. В итоге Пакистан, как и в 1980-х гг., снова оказался в положении прифронтового государства, но на этот раз он действовал вразрез интересам США.

Активизация афганского направления деятельности радикализма не означала прекращение террористической деятельности исламских экстремистов в Кашмире. Более того, они развернули свои действия не только там, но и в других районах Индии. Наиболее масштабной акцией террора стало нападение на здание индийского парламента 13 декабря 2001 г. Действия исламистов стали причиной сильной напряженности в пакистано-индийских отношениях, низшей точкой которых стало лето 2002 г., когда оба государства близко подошли к состоянию полномасштабной войны. Ее удалось избежать. Исламабад пошел на свертывание деятельности по поддержке боевиков. В результате принятых им мер проникновение диверсантов на территорию индийского Кашмира была если не полностью прекращена, то по крайней мере приостановлена.

Исламизм на современном этапе

Если умеренный парламентский политический ислам в 2002 – 2007 гг. во многом растерял завоеванные позиции, то обратная, по существу, картина наблюдалась с «подпольным» исламским экстремизмом. Повторим, что крутой его подъем пришелся на 2004 – 2008 гг., хотя территориально он и ограничивался главным образом узкой полосой вдоль границы Пакистана с Афганистаном. Вынужденное отступление исламистов, как нам представляется, началось в первой половине 2009 г. и продолжается вплоть до настоящего времени.

Овдовевший муж Б. Бхутто Асиф Али Зардари был избран президентом страны в сентябре 2008 г. после досрочного ухода в отставку сложившего с себя обязанности военного руководителя президента П. Мушаррафа. Избрание

А.А. Зардари состоялось благодаря победе возглавляемой им Пакистанской народной партии на парламентских выборах в феврале 2008 г. Президент «унаследовал» непростые задачи, прежде всего в сфере безопасности государства. Ситуация в Пакистане, особенно на северо-западе страны и в провинциальных центрах, была непростой. Усиленно радикальных настроений в стране в немалой мере способствовало недовольство населения вмешательством Вашингтона и иностранного военного контингента в дела Афганистана и рейдами американской беспилотной авиации в районе пакистано-афганской границы [10].

На Территории племен федерального управления, в некоторых округах провинции Хайбер-Пахтунхва (в 2010 г. решением парламента так стала называться Северо-Западная пограничная провинция) проявлялись процессы «ползучей» талибанизации [7, 9, 14]. Надо отметить, что талибские отряды экстремистов, действовавших на северо-западе Пакистана, представляли собой «пестрый ковер» выходцев из разных племен, придерживавшихся отчасти разных идейно-политических взглядов. Популярность талибов среди населения объяснялась строгим следованием ими исламским законам нравственности и права, которое выгодно отличалось от коррумпированности представителей властей.

С лета 2007 г. по лето 2010 г. в Пакистане продолжалась долгая волна терактов. С 2009 г. пакистанская армия, действовавшая по приказам политического руководства в соответствии с решениями парламентского большинства и под воздействием общественного мнения, провела ряд успешных карательных операций против пакистанских талибов и других организаций радикально-исламского толка. Во многом благодаря такому консенсусу уже в 2010 г. обозначилась тенденция к снижению уровня террористической активности.

Успехи Исламабада в сфере контртеррора нужно рассматривать на фоне перегруппировки сил в стане действовавших легально сил исламского радикализма. Здесь возник новый альянс исламистских организаций «Дифа-и Пакистан» («Защита Пакистана»). В нем одно из ведущих мест, наряду с лидерами таких партий, как ДУИ и ДИ, занял Хафиз Саед – лидер наиболее радикальной по идеологии исламистской организации «Джамаат-уд-дава» («Общество призыва»). Эта организация была «фасадной» для активно действовавшей в 2000-х гг. на индийском направлении боевой группировки «Лашкар-и томба» («Армия чистых»), организатора одного из самых громких терактов последних лет – нападения группы диверсантов в ноябре 2008 г. на крупнейший индийский город Мумбаи (Бомбей). Перегруппировка сил среди легальных исламистов, попытка «легализовать» крайних представителей исламистского движения свидетельствует об учете ими новой реальности.

Следует заметить, что если в 2008 – 2010 гг. исламский экстремизм имел исключительно

большое значение для Пакистана, то в дальнейшем, как представляется, его значение несколько снизилось. На первый план выдвинулись новые легальные движения исламистов. На фоне протестных акций конца 2012 г. – начала 2013 г. выступлением в поддержку реформирования политической системы Пакистана заявил о себе еще один политический игрок – партия «Пакистан авами техрик» («Народное движение Пакистана») во главе с Тахир-уль Кадри, представляющим школу барелви. До последнего времени эта партия находилась на периферии политической жизни, а ее лидер проживал в Канаде. Но возвращение Т. Кадри на родину стало заметным явлением. «Авами техрик» под его руководством провела несколько крупных мирных демонстраций, не сопровождавшихся насилием. Партия апеллирует к тому же электорату, что и более влиятельная и мощная структура «новой волны» – «Пакистан техрик-и инсаф» («Пакистанское движение за справедливость») во главе с бывшим капитаном национальной сборной по исключительно популярной в стране игре в крикет Имран Ханом.

Хотя в целом радикальные движения с 2011 г. несколько снизили свою активность на северо-западе страны, обострилась ситуация в главном портовом и экономическом центре Карачи. Там развернулись настоящие уличные бои, атаки террористов, подрывы бомб и череда заказных убийств. За один 2012 г. в городе погибли более 2,5 тыс. человек. Основания для кровавых разборок разнообразны – вражда между криминальными бандами, группами боевиков, опекаемых в целях самообороны и отмщения различными политическими партиями и религиозными корпорациями, бытовые разборки. Все больше данных свидетельствуют о том, что одной из главных причин насилия стало перемещение в многомиллионный город из ТПФУ группировок пакистанского движения талибов («Техрик-и талибан Пакистан», ТТП) [20].

Исходя из предпринятого анализа роли и места радикального исламизма в современном Пакистане и с учетом наработок, имеющихся на этот счет в отечественной и зарубежной аналитической и прогностической литературе, можно наметить несколько вариантов (сценариев) дальнейшего развития событий в случае победы радикальных тенденций:

– в случае развития событий по джихадистскому сценарию (что на данный момент представляется маловероятным) Пакистан может превратиться в воинствующее исламистское государство, наподобие Афганистана эпохи талибов (1996 – 2001 гг.). Такой режим будет пытаться противопоставлять себя соседям и глобальному сообществу в целом, добиваясь победы джихада (установления строгих, ригористических норм и порядков ислама) в Пакистане и вокруг него. Идеология радикального политизированного ислама займет тогда центральное место в качестве господствующей в обществе и государстве

системы ценностей и не сможет обойтись без курса на изоляционизм и экспансию;

– при развитии Пакистана по турецкой модели религиозный радикализм будет вытеснен на обочину и сохранит региональную роль в сублимированном виде, значимую для определенных районах пуштунского пояса и оставит за собой значение существенного, но не решающего фактора дальнейшего развития Пакистана. Его распространение будет сдерживаться контрсилами, нацеленными на модернизацию страны. Главная же роль будет принадлежать умеренному исламу, который не препятствует светскому в его интерпретации пути развития;

– в случае весьма своеобразного течения событий по иранскому варианту победы исламской революции в стране утвердится закрытая демократическая модель, использующая опыт создания

исламского государства. В нем будут соблюдаться некоторые демократические процедуры при господстве клерикально-бюрократических кругов. Для суннитского направления в исламе такой вариант представляется менее органичным, чем для шиитского;

– Пакистан может двинуться и по самобытному, отличному от других мировых примеров, военно-исламскому варианту развития, заложенной моделью управления М. Зия-уль-Хака. В этом случае армия будет играть определяющую роль, ее представители будут широко представлены в гражданской сфере управления и хозяйствования. Влияние сил, представленных радикальным исламом на систему власти будет умеренным. Он может использоваться в качестве одного из главных элементов официальной идеологии. При этом возможно привлечение улемов в качестве союзников и партнеров по властной коалиции.

Список литературы

1. Белокреницкий В.Я. Этнические, религиозные и сектантские конфликты в Пакистане // Этнос и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие. М.: МГИМО(У), 2005. С.407-432.
2. Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана. XX век. М., 2008. 576 с.
3. Кепель Ж. Джихад. Экспансия и закат исламизма: пер. с фр. В.Ф.Денисова. М.: Ладомир, 2004. 480 с.
4. Москаленко В.Н. Пакистан и Афганистан: прошлое и настоящее // Афганистан и сопредельные страны. М., 2003. С. 24-50.
5. Плешов О.В. Ислам и политическая культура в Пакистане. М.: Институт востоковедения РАН, 2005. 236 с.
6. Плешов О.В. Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане. М.: Институт востоковедения РАН, 2003. 260 с.
7. Плешов О.В. Талибанизация Пакистана – угроза реальная или мнимая? // Мусульманские страны у границ СНГ (Афганистан, Пакистан, Иран и Турция – современное состояние, история и перспективы). М.: Институт востоковедения РАН, 2002. С. 148-156.
8. Пресс-релиз Министерства иностранных дел Пакистана. Февраль 2007. <http://www.mofa.gov.pk/PressReleases./2007/Feb/PR-64-07.htm>
9. Сотников В.И. Насколько реальна «талибанизация» Пакистана и его распад как государства? / ЦентрАзия. 24 февраля 2009. <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1235460240>
10. Bergen P, Tiedemann K. The Year of the Drone. New America Foundation. <http://counterterrorism.newamerica.net/drones>
11. Elections 2002, Pakistan. <http://elections.com.pk/electionindex.php>
12. Kronstadt K.A., Vaughn B. Terrorism in South Asia. CRS Report for Congress. August 9, 2004. US Department of State. <http://fpc.state.gov/documents/organization/35167.pdf>
13. Lieven A. Pakistan. A Hard Country. London, Public Affairs, 2011.
14. Masud K.A. Will Pakistan be ultimately talibanised? / South Asia Analyses Group. Paper No.3230. June 4, 2009. <http://www.southasiaanalysis.org/%5Cpapers33%5Cpaper3230.html>
15. Musharraf P. In the line of fire. A Memoir. London, Pocket books, 2005.
16. Newsweek New York, 01.10.2001, No 4, p.31.
17. Rashid A. Afghan conflict eroding stability in Pakistan. // the Nation. 21.01.1998.
18. Rashid A. Taliban: Islam, oil and the new great game in Central Asia. London, I.B. Taurus Publishers, 2000.
19. Zaman F., Ali N.S. Taliban in Karachi: the real story. // the Dawn. 30.03.2013.

Об авторе

Чекризова Ольга Павловна – аспирантка кафедры востоковедения МГИМО(У) МИД России.
E-mail: pakdesk@yandex.ru

TRENDS IN EVOLUTION OF PAKISTAN'S ISLAMISM

O.P. Tchekrizova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article focuses on the main trends in the evolution of Islamist movements in Pakistan. It assesses inside and outside factors of radical Islam growth. In the prospective part of the article the author examines the possible developments (scenarios) of the Islamism evolution. Islamic radicalism (ideology) and Islamic extremism (practical implementation of ideas) in Pakistan gained momentum due to the policy of Islamisation in the 1980s. Until now, the phenomena mean much to turbulent political situation in Pakistan and in the region. Radical Islam in Pakistan has the character of local and discrete evolution. Each period of this evolution is determined by external or internal development factors define. Thus, the rise of radical Islam in the late 1970s was largely linked to the global and regional context. Since the mid 1980s at the forefront comes the internal factor of inter-sectarian conflict between the Sunnis and the Shias, that both receive support from the outside. After the relatively even period of the 1990s radical Islam gains strengthen in the early 2000s when Pakistan made a U-turn in its external and domestic policy, having supported the international counter-terror fight both within the international coalition and inside the country. Currently, the deepening economic and social crisis, as well as the burden of Pakistan's involvement in the global war on terror bring legal Islamists to the forefront. Also one should not underestimate the might of extremists who can take advantage from this pause. All in all, the dynamics of the Islamist political, social and radical organizations' evolution suggests that the issue will maintain its high relevance for Pakistan.*

Keywords: Pakistan, Afghanistan, Afghan-Pakistani border region, Kashmir, radicalisms, extremism, Islamism, Islamist movements.

References

1. Belokrenitskii V.Ia. Etnicheskie, religioznye i sektantskie konflikty v Pakistane [Ethnic, religious and sectarian conflicts in Pakistan], Etnosy i konfessii na Vostoke: konflikty i vzaimodeistvie [Ethnic groups and religions in the East: conflicts and interaction]. Moscow, Inst. of International Relation Publ., 2005. pp. 407-432.
2. Belokrenitsky V.Y., Moskalenko V.N. A Political History of Pakistan, 1947-2007. Karachi, Oxford University Press, 2013. 520 p. (Russ. ed.: Belokrenitskii V.Ia., Moskalenko V.N. Istoriia Pakistana. XX vek. M., 2008. 576 p.).
3. Kepel G. Jihad: expansion et Déclin de l'Islamisme. Paris, Éditions Gallimard, 2000. 452 p. (Russ. ed.: Kepel' Zh. Dzhikhad. Ekspansii i zakat islamizma. Moscow, Lodomir, 2004. 480 p.).
4. Moskalenko V.N. Pakistan i Afganistan: proshloe i nastoiashchee [Afghanistan and Pakistan: the past and future prospects], Afganistan i sopedel'nye strany [Afghanistan and neighbouring countries]. Moscow, Inst. of Israel and Middle East Studies Publ., 2003. pp.24-50.
5. Pleshov O.V. Islam i politicheskaia kul'tura v Pakistane [Islam and political culture in Pakistan]. Moscow, RAS Inst. of Oriental Studies Publ., 2005. 236 p.
6. Pleshov O.V. Islam, islamizm i nominal'naia demokratiia v Pakistane [Islam, Islamism and nominal democracy in Pakistan]. Moscow, RAS Inst. of Oriental Studies Publ., 2003. 260 p.
7. Pleshov O.V. Talibanizatsiia Pakistana – ugroza real'naia ili mnimaia? [Talibanisation of Pakistan is real or alleged threat?], Musul'manskie strany u granits SNG (Afganistan, Pakistan, Iran i Turtsiia – sovremennoe sostoianie, istoriia i perspektivy) [Muslim countries near the CIS borders (Afghanistan, Pakistan, Iran and

- Turkey. The current situation, history and evolution prospects]. Moscow, RAS Inst. of Oriental Studies Publ., 2002. 148-156 pp.
8. Press-release of the Ministry of Foreign Affairs of the Islamic Republic of Pakistan. February, 2007. Available at: [http://www.mofa.gov.pk/Press Releases./2007/Feb/PR-64-07.htm](http://www.mofa.gov.pk/Press%20Releases./2007/Feb/PR-64-07.htm) (accessed 20 January 2011).
  9. Sotnikov V.I. Naskol'ko real'na «talibanizatsiia» Pakistana i ego raspad kak gosudarstva? [Are talibanisation and disintegration of Pakistan real?] / CentrAsia. February 24, 2009. Available at: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1235460240> (accessed 14 April 2013).
  10. Bergen P., Tiedemann K. The Year of the Drone. New America Foundation. February 24, 2010. Available at: http://www.newamerica.net/publications/policy/the_year_of_the_drone (accessed 14 April 2013).
  11. Elections 2002, Pakistan. Available at: <http://elections.com.pk/elecindex.php> (accessed 15 April 2013)
  12. Kronstadt K.A., Vaughn B. Terrorism in South Asia. CRS Report for Congress. August 9, 2004. Available at: <http://fpc.state.gov/documents/organization/35167.pdf> (accessed 21 August 2011).
  13. Lieven A. Pakistan. A Hard Country. London, Public Affairs, 2011. 558 p.
  14. Masud K.A. Will Pakistan be ultimately talibanised? / South Asia Analyses Group, 2009, Paper No.3230. Available at: <http://www.southasiaanalysis.org/%5Cpapers33%5Cpaper3230.html> (accessed 20 January 2011).
  15. Musharraf P. In the line of fire. A Memoir. London, Pocket books, 2006. 352 p.
  16. Newsweek New York, 2001, 1 October, No 4, p.31.
  17. Rashid A. Afghan conflict eroding stability in Pakistan. The Nation, 1998, January 21.
  18. Rashid A. Taliban: Islam, oil and the new great game in Central Asia. London, I.B. Taurus Publishers, 2000. 274 p.
  19. Zaman F., Ali N.S. Taliban in Karachi: the real story. The Dawn, 2013, March 30.

About the author

Olga P. Tchekrizova – PhD student of the Moscow State Institute of International Relations (University).
E-mail: pakdesk@yandex.ru
